
КАЗАНСКИЙ ЗАГОВОР[★]

Как только в 1863 г. началось польское восстание, царское правительство дало указание составить списки и следить за поляками, проживающими в различных регионах России, в том числе и в Казанской губернии. Об этом свидетельствует письмо попечителя Казанского учебного округа от 19 февраля 1863 г. начальнику Казанской губернии. Первый сделал запрос ректору Казанского университета по вопросу проживания и учебы в нем поляков и получил следующий ответ: «В комнатах, прежде занимаемых казеннокоштными студентами, не проживает в настоящее время ни одного поляка, как подведомственно учебному ведомству, так и принадлежащего к университету. В зданиях же университета вообще проживают поляки: ординарный профессор Ковальский, докторант, родственник ординарного профессора Овсянникова Тужанский, помощник библиотекаря Лешковский и слушатели Поашковский, Дубе, Малиновский, Жалковский, Курейхо, Козловский, [...] но они едва ли могут возбуждать какое-либо опасение»¹. Тем

не менее ректор предложил инспектору студентов вести за ними «должное наблюдение», а исполняющему обязанности эзекутора доносить «о всех вновь поступающих на жительство в университет лицах»².

Спустя пять месяцев помощник попечителя Казанского учебного округа направляет казанскому военному губернатору списки всех студентов и вольнослушателей Казанского университета и воспитанников 1-й и 2-й казанских гимназий из поляков³. Представилась следующая картина: в Казанском университете училось 29 поляков (более всего — на юридическом факультете)⁴, в Первой Казанской гимназии — три⁵, во Второй — пять, четверо из которых были православного вероисповедания⁶.

Кроме университета, списки поляков представил начальник VI округа путей сообщения. В этом ведомстве обнаружилось шесть поляков, занятых на разных должностях, от довольно значительных до самых мелких⁷.

12 поляков (четверо православно-го вероисповедания) входили в состав

* Окончание. Начало см.: Гришин Я., Шарафутдинов Д. Казанский заговор // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2009. – № 2. – С. 87-97.

чиновников губернского и уездного уровня. Так, Д. Юдзевич был губернским секретарем, С. Ловейко надзирал за порядком в волостях Казанского уезда, Т. Крушевский занимал должность окружного начальника Царёвококшайского уезда⁸.

Восемь поляков работали лесничими в лесничествах, в том числе в Мамадышском, Тетюшском, Чебоксарском, Ядринском, Цивильском, Козьмодемьянском.

Чистопольский уездный исправник представил ведомость о поляках, проживающих в г. Чистополе и Чистопольском уезде. Всего их было 63. Среди них — служащие 4-го резервного батальона Украинского пехотного полка: один штаб-офицер, четверо обер-офицеров, два унтер-офицера, три музыканта, восемь рядовых, 39 рекрутов, один нестроевой, один денщик; служащие по министерствам: один — по министерству финансов, один — по министерству внутренних дел, а также двое поляков, проживающих по собственному желанию⁹.

У управляющего питейно-акцизными сборами Казанской губернии работало два поляка. Один из них С. Ф. Круликевич, о котором мы расскажем ниже, другой — поручик И. М. Лютыка, участник Крымской войны, обороны Севастополя¹⁰.

Польские рекруты

Во внутренние районы России из восставшего Царства Польского стали прибывать польские рекруты. В Казань к 27 мая 1863 г. их должно было прибыть 300 человек для укомплектования 4-й резервной пехотной дивизии¹¹. Накануне решался вопрос об их временном размещении. Как сообщало губернское МВД командиру 4-й резервной пехотной дивизии, для этого назначен дом упраздненного правления низового округа корабельных лесов в Адмиралтейской слободе¹².

Военный губернатор в письме командиру Казанского батальона внутренней службы подтвердил этот адрес. Он указал, что при рекрутах следует иметь особый караул, что рекру-

ты до распределения и отправления по батальонам должны быть на казарменном положении, которое исключало отлучки и свидания с кем-либо¹³.

Через некоторое время рекрутов стали распределять по батальонам, в том числе в Лайшево и затем в Чистополь. При движении, как предупредил лайшевский исправник чистопольского, за ними следует следить внимательно, ибо они ведут себя «очень буйно и беспокойно»¹⁴. Поэтому для встречи и препровождения их по Чистопольскому уезду исправник командировал одного «из благонадежных чиновников земского суда». По прибытии в город рекруты были распределены по различным подразделениям 4-го резервного батальона Украинского пехотного полка и сданы «под присмотр русских солдат»¹⁵. Как сообщал 8 июня 1863 г. чистопольский исправник казанскому военному губернатору, за рекрутами-поляками установлено особо строгое наблюдение¹⁶.

Поиск прокламаций

В ходе следствия по Казанскому заговору был предпринят поиск возмутительных прокламаций, в первую очередь в окрестностях Казани. Судя по рапорту казанского уездного исправника казанскому военному губернатору, в зону поиска вошли такие населенные пункты, как Киндери, Царицыно, Аки, Белянкино, Большие и Малые Клыки, Самосырово, Савиново, Троицкая Нокса, Большие и Малые Дербышки, Кульсеитово¹⁷. На их обследование был потрачен не один день. Но «по самому тщательному и секретному разведыванию никаких слухов о передаче этой прокламации» не было выявлено¹⁸.

Крестьяне, с точки зрения исправника, вели себя спокойно. Если бы у них была прокламация и они с ней ознакомились, то действовали бы иначе. Отсюда вывод, что прокламация пропагандировалась в другой местности.

К написанному исправник добавил, что благодаря его и мировых посредников внушениям временно-обязанные

крестьяне Казанского уезда приведены в полную готовность исполнять все распоряжения начальства. В качестве доказательства он привел пример задержания ими подозрительных людей.

Инструкция по препровождению осужденных

В ходе подавления польского восстания многие его участники были этапированы на каторжные работы, в сибирскую ссылку. Правила препровождения осужденных заключали в себе соответствующие инструкции, которые составляли в каждом отдельном случае. В целом инструкции были типичны, и потому воспроизведем лишь одну из них.

Инструкция рядовым Казанской жандармской команды Калашникову и Стародубцеву: «Назначая вас для сопровождения до г. Вятки известного лица, предписываю теперь же принять его от казанского полицмейстера и немедленно отправиться с ним в г. Вятку, наблюдая следующее:

1. Во время пути вы должны неотлучно находиться при нем в полном вооружении, не позволяя ему ни с кем разговаривать.

2. Вы должны иметь осторожность, чтобы он не нанес себе вреда и не набросился бы на имеющееся у вас оружие.

3. Квартир нигде не нанимать, а требовать от местных начальников, и останавливаться для отдыха только в тех местах, где есть воинские команды, от коих просить по этой инструкции караул, который оставлять на все время пребывания на месте.

4. По прибытии в г. Вятку тотчас явиться к начальнику губернии, предоставить прилагаемый конверт за номером и просить распоряжения о принятии от вас препровождаемого лица и выдаче квитанции.

В заключение сего предворяю вас, что неустройство во время пути, а тем более упуск препровождаемого лица будут наказываться»¹⁹.

К инструкции прилагалось, говоря современным языком, командировочное удостоверение.

Дело ксендза О. И. Галимского

Как сообщил 23 января 1864 г. А. Е. Тимашёв казанскому военному губернатору, Главная следственная комиссия по политическим делам представила ему следственное дело о ксендзе Казанской католической капеллы Остине Галимском. Ксендз обвинялся в получении от поручика Усциповича и подпоручика Рашевского небитых капсюлей в количестве 90 869 штук²⁰.

Из следственного дела вытекало, что в конце мая 1863 г. к казанскому полицмейстеру препроводили из управления пароходного общества «Самолет» один за другим два тюка, отданные капитану парохода католическим ксендзом для оставления их в конторе общества до востребования. Малые объемы тюков при их большом весе и надпись «в Казани передать в католическую церковь» показали подозрительными и побудили контору передать тюки полиции. Начальник губернии в присутствии жандармского штаб-офицера и полицмейстера вскрыл тюки и обнаружил в одном 10 тысяч совершенно новых капсюлей, а в другом — 30 тысяч капсюлей, перемешанных с битыми. В связи с этим Галимский был задержан в Симбирской губернии и препровожден в Казань.

При первоначальном допросе он сообщил, что, объезжая вверенный ему округ для исполнения «духовных треб», просил многих доставить ему битые капсюли для отлития из них колокола. Один тюк он получил в Сызрани от поручика 4-го резервного батальона Казанского пехотного полка Усциповича, а другой был принесен ему и отдан неизвестным солдатом близ парохода в г. Сенгилей²¹. На вопрос, не собирал ли Галимский капсюли в Казани, он ответил, что в этом городе у него нет таких знакомых, к которым можно было бы обратиться с подобной просьбой. Потом добавил, что у него на квартире имеются как целые, так и распиленные капсюли, которые он собирал у разных лиц в разных местах, но у кого не помнит. Как попали в его тюки небитые капсюли, не

знает, так как просил битые и при получении тюков не осматривал их²².

При обыске в квартире ксендза было найдено два мешка с капсюлями, большей частью битыми. Один мешок весил 12 фунтов, второй — 8.

Инструктор 4-го резервного батальона подпоручик Рашевский сообщил следователю, что Галимский по прибытии в Сенгилей просил у него битые капсюли, так как в Казани в костеле не доставало одного колокола. Поскольку у инструктора битых капсюлей не было, а лишь два мешка хороших, которые после приема боеприпасов в 1862 г. оказались лишними, он их и передал ксендзу, завернув в рогожу и перетянув веревкой, не ожидая никаких негативных последствий²³.

Сбор капсюлей ксендзом для отливки колокола подтвердил и поручик 4-го резервного батальона Рязанского полка Усципович, сообщив, что Галимский еще в 1862 г. просил его о капсюлях. Усципович откликнулся на просьбу и переслал ему как битые капсюли (1,5-2 пуда), так и не битые (около 20 тысяч)²⁴.

Со слов начальника штаба 6-й резервной пехотной дивизии, Галимский действительно просил его в 1862 г. оказать ему содействие в приобретении в резервных батальонах дивизии на отливку церковного колокола разбитых капсюлей или негодных пуговиц или вообще негодной меди. Начальник штаба посоветовал ему обратиться в батальоны, так как хозяйственная часть находилась непосредственно в руках комбатов²⁵.

С Галимского взяли дополнительные объяснения. По закону католической церкви, сообщил ксендз, при костеле должны быть три колокола, и он стремился следовать ему с самого основания костела в 1858 г. В 1860 г. были отлиты два колокола, оставался еще один. Именно в это время у него родилась мысль при посещении войск собирать медные изделия, прося не только католиков, но и православных жертвовать ему битые капсюли. Что касается обнаруженных небитых капсюлей, то он не знал о них, ибо меш-

ки не развязывал²⁶. Всего было обнаружено 90 869 капсюлей: от поручика Рашевского — 26 500, Усциповича — 58 869, 5 500 штук уже были на квартире²⁷.

Судебная палата, рассмотрев дело ксендза О. И. Галимского, определила: оставить его под подозрением, деньги же, истраченные на его переезд из Симбирска до Корсуна и обратно и от Симбирска до Казани (всего 134 руб. 81 ½ коп.), «принять на счет казны, т[ак] к[ак] вина Галимского по сему делу не доказана»²⁸. 1 августа 1864 г. начальник Казанской губернии получил из министерства внутренних дел указание «о высылке означенного ксендза в Архангельскую губернию под надзор полиции»²⁹.

Через две недели помощник окружного генерала рапортовал о том, «что церковная утварь и все прочее, принадлежащее Казанской римско-католической церкви, принятые (13 августа) по описи, представленной ко мне командированным для этого старшим адъютантом дежурства поручиком Домбровским, и ксендз Галимский этого же числа в присутствии казанского полицмейстера отправлен по назначению при нижнем чине здешней жандармской команды»³⁰.

14 ноября 1864 г. епископ Станевский сообщил начальнику Казанской губернии, что по согласованию с министерством внутренних дел и военным министерством на место удаленного Галимского он перемещает Иоанна Пукена из Красноярска. Он просил оказывать последнему благосклонное расположение, снисходительное покровительство «с передачей ему церкви и ее имущества»³¹.

По прибытии Галимского на место и при осмотре его имущества и бумаг было обнаружено «собственных банковских 5 % билетов на сумму до 24 т.р., 16 акций пароходного общества “Кавказ” и “Меркурий” на 2 240 р., наличными деньгами в кредитных билетах и серебром 600 р., заемных расписок на сумму до 1 500 р. и переписка с кредитными установлениями и пароходным обществом об ак-

циях»³². В связи с этим министерство внутренних дел 27 ноября 1864 г. просило главу Казанской губернии уведомить его, сделано ли было при обыске ксендза «удостоверение, каким способом приобретены им столь значительные деньги»³³. Вместе с тем министерство предложило архангельскому губернатору взять у Галимского показания относительно способа приобретения значительного капитала³⁴.

Ксендз дал показания, но их нужно было проверить на месте прежнего жительства в Казани. Министерство внутренних дел возложило эту задачу на начальника Казанской губернии³⁵.

*Майор, коллежский асессор
С. Ф. Круликевич*

Выходец из дворян Люблинской губернии С. Ф. Круликевич воинскую службу начал 1 февраля 1847 г. унтер-офицером, в 1861 г. дослужился до майора. За усердную службу в образцовом полку 15 июля 1861 г. был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Имел бронзовую медаль в память о Крымской войне 1853-1856 гг. на Владимирской ленте. В продолжение службы был батальонным адъютантом и командиром роты. 1 июля 1862 г. перешел на службу по гражданскому ведомству с чином коллежского асессора, надзирателем второго округа (Спасск, Чистополь) 1-го разряда Казанского питейно-акцизного управления³⁶.

Дело на Круликевича было заведено летом 1863 г. Его обвиняли в составлении дерзких замечок, сделанных им карандашом на странице «Биржевых ведомостей» (1862, № 175) против некоторых статей прокламации великого князя Константина, обнаруженной 15 августа 1862 г. в Варшаве. Генерал-адъютант А. Е. Тимашёв, ознакомившись с выпиской из дела, к которой был приложен злополучный номер газеты³⁷, посчитал, что в карандашных заметках Круликевича выражены сочувствия «к преступным покушениям на бунт против верховной власти и на убийства»³⁸. В связи с этим их автор «подлежит преданию суду в об-

щем уголовном порядке, с удалением от должности акцизного надзирателя»³⁹. Увольнение последовало незамедлительно.

Дело рассматривалось Казанским уездным судом. По его решению Круликевич был оставлен под надзором городского полицейского управления. В сентябре 1863 г. Круликевич написал прошение о возможности выезда в г. Чистополь. Исполняющий должность губернатора потребовал в случае выдачи просителю соответствующего свидетельства указать, что разрешение дано на поездку в определенный город и на определенный срок, после окончания которого Круликевич должен возвратиться в Казань⁴⁰.

Круликевич в Чистополь съездил. По возвращении, как доложил в рапорте от 8 ноября 1863 г. помощник полицмейстера Казанского городского полицейского управления приставу первой части г. Казани, предписано за коллежским асессором «продолжить строгий полицейский надзор»⁴¹.

Через некоторое время Круликевич ходатайствовал перед казанским губернатором о разрешении выезда в Москву и Санкт-Петербург. Губернатор, в свою очередь, рапортует Сенату, который 20 ноября 1863 г. сообщил, что «дозволение Круликевичу выезда из г. Казани зависит от того присутственного места, по распоряжению коего назначен над ним полицейский надзор»⁴².

Павел и Александр Маевские

Павел Маевский был арестован и по этапу прибыл в Москву. Здесь при отправлении с железнодорожной станции «политических преступников» Маевский ударил, без всякой причины, по лицу одного из конвойных — рядового Селенгинского пехотного полка В. Иванова⁴³. По поступку Маевского в Москве было проведено расследование, а затем его отправили в Казань. Московский военный генерал-губернатор сообщил о происшествии казанскому губернатору М. К. Нарышкину для дальнейшего с его стороны распоряжения⁴⁴.

Из Казани Маевского этапировали в Цивильск. Здесь 26 января 1865 г. по указу императора уездный суд слушал выпуск из дела казанского губернского воинского начальника о поступке Маевского в Москве⁴⁵. Суд решил подвергнуть его аресту на один месяц, сообщив об этом оскорбленному.

Маевский прибыл в суд в положенный срок, 23 февраля 1865 г. выслушал его решение и подписался. Рядовой Иванов был удовлетворен этим решением⁴⁶.

Что касается Александра Маевского, то он был осужден на каторжные работы и шел по этапу через Казань в Сибирь. В марте 1869 г. он прибыл в Томск «в собственной одежде и без кандалов»⁴⁷. Томский губернатор уведомил об этом Департамент исполнительной полиции Министерства внутренних дел России, который напомнил, что «по существующим постановлениям о порядке отправления ссыльных в Сибирь осужденные на каторжные работы должны следовать в казенной арестантской одежде с наложением на оной особых знаков и в кандалах»⁴⁸.

Дворянин Царства Польского Э. Н. Владзинский

Э. Н. Владзинский был арестован и находился под судом. Как дворянину ему следовало получать на руки по десять копеек кормовых в сутки и на них питаться. Комиссия военного суда не имела еще присланных формулярных списков, и до их прибытия он находился на общем положении (три фунта черного хлеба и полкопейки в сутки)⁴⁹.

После прибытия списков Владзинский стал просить казанского полицеймейстера «о вытребовании» ему «принадлежащих 10-копеечных кормовых по исчислению из них 3 ½ получаемых» им «на общем положении за время с 18 января 1864 г. до 7 марта». Он рассчитывал на возвращение ему положенных денег, ибо за это время расходовал их «из собственного кармана на необходимые издержки» и находился «в крайней нужде»⁵⁰. В связи с приближением «праздника Воскресения Иисуса

Христа, в которое время всякий христианин должен приобщаться» он просил также пригласить к нему польского священника «для сделания расчета с совестью»⁵¹.

Заключение

Царское правительство жестоко подавило польское восстание 1863-1864 гг. Тысячи его участников были казнены, сосланы в Сибирь на каторжные работы, отправлены на поселение в другие места России, в том числе и в Казанскую губернию.

Не пощадило царское правительство руководителей и участников Казанского заговора. К смертной казни были приговорены И. Кеневич, Н. Иваницкий, А. Мрочек, Р. Станкевич и М. Черняк.

Казнь состоялась 6 июня 1864 г. близ Подлужной слободы на берегу Казанки в 7 часов утра при стечении большого числа народа. М. Черняк был расстрелян 11 октября 1865 г.

После расстрела тела казненных были отвязаны от столбов и брошены в вырытые тут же ямы и зарыты. Потом по могильной земле церемонным маршем и с барабанным боем прошли солдаты⁵².

Участники заговора, отнесенные ко второй категории, были приговорены к каторжным работам на сроки от 4 до 10 лет.

Ни у руководителей польского восстания, ни у руководителей Казанского заговора без революционного взрыва во всей России не было шансов на победу. Но они сами выбрали свою судьбу, пойдя наперекор времени и обстоятельствам.

Нам не дано знать, чем мог бы закончиться Казанский заговор, как могли сложиться судьбы его руководителей и участников, если бы не подлое поведение предателя и провокатора И. Глассона, который по велению императора за услугу, оказанную правительству, получил три тысячи рублей⁵³. Увы, история не знает сослагательно-го наклонения, но она знает наклонения страдательное и сострадательное.

ШТАБЪ
РЕЗЕРВОВЪ
АРМЕЙСКОЙ ПѢХОТЫ.

По части
ОБЕРЪ-АУДИТОРА.

12 Августа 1863 года.

№ 945.

МОСКВА.

О подпоручикѣ
Станкевичѣ.

11-12-1863
22
Казанскому Военному
Губернатору.

Командиръ 4 резервна-
го баталіона Азовскаго
пехотнаго Генералъ Адью-
танта Графа Лидерса
пока рапортуетъ, отъ
5 сего Августа за № 250,
донесъ, что сродствен-
ное дѣло, опричинъ подпо-
ручника Подпоручика осна-
наго баталіона Стан-
кевича, находится въ Ка-
занскомъ Полицейскомъ
Управленіи.

Въ сродствоіе сего, по
порученію Начальника Ре-
зервовъ, покорнѣйше прошу

Въ Москвѣ 12 Августа 1863

Прошение начальника штаба резервной армейской пехоты казанскому военному губернатору
об отправке им дела Р. Станкевича. НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 1900, л. 22.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 1905, л. 5-5 об.
2. Там же, л. 5 об.
3. Там же, д. 1907, л. 49.
4. Там же, л. 49 об.-50 об.
5. Там же, л. 51.
6. Там же, л. 49 об.
7. Там же, л. 30-30 об.
8. Там же, л. 28-28 об.
9. Там же, л. 69.
10. Там же, л. 8 об.
11. Там же, д. 1926, л. 4, 5.
12. Там же, л. 5.
13. Там же, л. 7.
14. Там же.
15. Там же, л. 7 об.
16. Там же.
17. Там же, д. 1906, л. 28.
18. Там же, л. 28-28 об.
19. Там же, л. 22-22 об.
20. Там же, д. 1872, л. 12.
21. Там же, л. 62-62 об.
22. Там же, л. 63.
23. Там же, л. 64 об.-65.
24. Там же, л. 65 об.-66.
25. Там же, л. 66.
26. Там же, л. 66 об.
27. Там же, л. 69 об., 70 об.-71.
28. Там же, л. 76.
29. Там же, л. 61-61 об.
30. Там же, л. 84-84 об.
31. Там же, л. 87-87 об.
32. Там же, л. 89.
33. Там же, л. 89 об.
34. Там же, л. 92.
35. Там же, л. 92 об.
36. Там же, д. 1907, л. 8-8 об.
37. Там же, л. 21-21 об.
38. Там же, л. 21 об.
39. Там же, л. 21 об.-22.
40. Там же, л. 55.
41. Там же, л. 62.
42. Там же, л. 63-63 об.
43. Там же, д. 1891, л. 2.
44. Там же, л. 2 об.
45. Там же, л. 15.
46. Там же, л. 15 об.
47. Там же, д. 2032, л. 33.
48. Там же, л. 33 об.
49. Там же, д. 2035, л. 5.
50. Там же, л. 5 об.
51. Там же, л. 6.
52. Красноперов И. М. Записки разночинца. – М., 1929. – С. 96.
53. Козьмин Б. Казанский заговор. – М., 1929. – С. 128.

Яков Гришин,
доктор исторических наук,
Дамир Шарафутдинов,
доктор исторических наук

